

КОНЦЕПТЫ КАК СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Аскарова М.

Бухарский государственный университет,
город Бухара

<https://www.doi.org/10.5281/zenodo.7857542>

ARTICLE INFO

Received: 14th April 2023

Accepted: 22th April 2023

Online: 23th April 2023

KEY WORDS

Концепт, русский язык, узбекский язык, языковая единица, лингвистические исследования, концептосфера, национальное мышление, языковая картина мира, этнические традиции, духовные ценности.

ABSTRACT

Данная статья рассматривает концепты как средства репрезентации языковой картины мира в разноструктурных языках. В статье обсуждаются различия в использовании концептов в языках с разной структурой, таких как агглютинативные, флективные и изоляционные языки. Авторы анализируют, как концепты используются для выражения разных аспектов языковой картины мира, таких как время, пространство, человеческие отношения и др. В статье также обсуждаются методы исследования концептов и их репрезентации в языках, включая методы корпусного анализа и когнитивной лингвистики. Исследование концептов в разноструктурных языках может помочь лучше понять, как язык формирует нашу представление о мире и как различные языковые структуры влияют на наше мышление и восприятие.

Современная лингвистика, и когнитивная лингвистика в частности, наряду с терминами «концепт» и «концептосфера», активно оперируют терминологическим сочетанием «языковая картина мира» и «репрезентация». Этот широко распространенные и активно развивающиеся в настоящее время термины объектом своего изучения определяют те невидимые глазу процессы, в ходе которых тонкие ментальные элементы национально-культурного наследия закрепляются в сознании/подсознании как индивида, так и коллектива, народа, и нации в целом, и как данные ментальные элементы в дальнейшем реализуются вербально, в процессе речевых актов, являясь результатом взаимодействия мышления, окружающей действительности, эмоциональных реакций и языка (речи).

Становление термина «языковая картина мира» характеризует его гибкость и универсальность, поскольку само понятие «картина мира» возникло с развитием физики на рубеже XIX–XX веков, и был перенято философскими науками для обозначения системы образов, взаимосвязанно отражающих всю совокупность

достигнутых наукой результатов познания мира. В течение XX века, понятие «картина мира» заинтересовались исследователи, изучающие семиотику, как фактор, важный для языка и мифа, религии, фольклора, поэзии, кино, живописи, архитектуры, т.е. различных аспектов искусства. Понятие перекочевало и в лингвистику, и мы наблюдаем, что терминосочетание «языковая картина мира» присутствует в работах многих известных лингвистов: Ю. Н. Караулова, В. Н. Телии, Г. В. Колшанского, Б. А. Серебренникова, Н.Д. Арутюнов, О. А. Корнилова, Н.С. Новиковой и Н.В. Черемисиной, Н. И. Сукаленко, Н.Л. Чулкиной, Е.С. Яковлевой [и др.

Термин «репрезентация» же имеет более глубокие исторические корни и является инструментом опосредованного познания, который позволяет увидеть отсутствующий предмет путем его замены «изображением», способным воскресить предмет в памяти или «описать» его таким, каков он есть, пишет К. Гинзбург в своем исследовании «Репрезентация: Слово, Идея, Вещь» [3, 1998].

В отличие от понятия «картина мира», «языковая картина мира» указывает на то, что носителем картины мира является язык, проявляющийся через речь, а богатство и разнообразие языковой картины мира у индивида (языковой личности) зависит от уровня его/ее развития, эрудированности, от базовых и профессиональных знаний и жизненного опыта. Как отмечает А. Вежбицкая, язык антропоцентричен: он предназначен для человека, и вся языковая категоризация объектов и явлений внешнего мира ориентирована на человека; это общая черта всех языков. К тому же, каждый язык национально специфичен, поскольку в нем отражаются не только особенности природных условий или культуры, но и своеобразие национального характера носителей данного языка. Язык отражает условия существования его народа и содержит имена и реалии, специфические для данного народа [1 с.21].

Единицами языковой картины мира являются вербализированные ментальные образования, категоризирующие действительность, то есть концепты и фреймы. Однако, проведение границы между этими двумя явлениями задача сложная, на что указывал Ю.Н. Караулов, который писал, что граница между картиной мира (как отражением реального мира) и языковой картиной мира (как фиксацией этого отражения) существуют сложные отношения, поскольку границы между ними кажутся зыбкими, неопределенными [4, с. 271].

Н.Н. Гончарова, в работе посвященной языковой картине мира, как объекту лингвистического описания, указывает на следующие различия между картиной мира и языковой картиной мира. Мир – это человек и среда в их взаимодействии. Отражение мира в сознании, представления человека о мире, информация о среде и человеке – это картина мира. Информация о среде и человеке, переработанная и зафиксированная в языке, – это языковая картина мира [2, с.398]. Таким образом, по мнению Н.Н. Гончаровой, человек (языковая личность), или некое сообщество людей (языковых личностей, объединенных каким-то фактором), являются носителем (носителями) обоих явлений - картины мира, и языковой картины мира, а значит, целесообразно говорить об индивидуальной и коллективной картинах мира, источниками формирования которой могут быть следующие ресурсы: врожденное знание (инстинкт); знание, полученное человеком в результате его практического

взаимодействия с природой и социумом; знание, полученное из текстов, с которыми человек знакомится на протяжении всей жизни, знание, выработанное в процессе мышления; знание, внушенное родным языком. Такое внушенное родным языком знание В.В. Морковкин и А.В. Морковкина в своих работах определяли, как «когнитивное наследство, как предоставляемый этносом стартовый капитал» [6, с. 32 - 43].

Тонким отличием картины мира и языковой картины мира служит скорость и гибкость процессов изменения. Считается, что в процессе познания мира человек постоянно развивает, корректирует картину мира, и это происходит довольно быстро (ярким примером в этом случае может служить влияние на сознание социальных сетей в Интернет, в котором потоки разнообразной информации обрушиваются на пользователя за короткий промежуток времени). Языковая же картина мира, как считают некоторые исследователи, изменяется медленнее, она более консервативна и долго хранит архаичные элементы ранних картин. Эти элементы служат основой для создания новой картины мира, они в процессе познания наполняются новым смыслом. При этом языковая картина мира способна содержать в себе и устаревшие, и новые картины мира. С точки зрения В.Б. Касевича, расхождения возникают между архаической и семантической системой языка и той актуальной ментальной моделью, которая действительна для данного языкового коллектива и проявляется в порождаемых им текстах, а также в закономерностях его поведения» [5].

Цикличность природных явлений, заключенная в концептосфере «Времена года», отражается в семантике микросистемы времени, в их семантических связях между собой и другими словами, составляющих общую систему языка. Исторически, инструментом упорядочения знаний об окружающей действительности стал календарь, универсальное устройство счета времени и смены природных сезонов, поскольку в его основе лежит периодичность природных явлений, смена времен года (зима-весна-лето-осень; день-неделя-месяц-год, и т.д.). Такое деление основано на ритмах жизни в естественной среде обитания, обусловленной исторически, территориально, и географически. Изучение концептосферы «Времена года» и ее репрезентации в языке и речи в сопоставительном аспекте на материале разноструктурных языков (русского и узбекского) актуально ёмким, национально-специфическим наполнением данной концептоферы, поскольку наполняющие ее компоненты концепты представляют собой мыслительные единицы коллективного сознания, входят в категорию культурных концептов, а также являются «единицами национальных концептосфер» [7, с. 6]. Семантическая наполняемость концептов, присутствующих в концептосфере «времена года» составляет различные особенности любой лингвокультуры: природные, географические, бытовые, религиозные и т.д. и связано с культурно-ценностными доминантами этой и других концептосфер.

Таким образом, концептосфера «Времена года» является одним из наиболее важных в концептосфере любой национальной языковой картины мира и, на наш взгляд, может быть отнесена к категории универсальных концептосфер, с наполняющими концептами, имеющимися в разных языках и культурах: специальные как собственно лингвистические, так и экстралингвистические (лингвопоэтические и

лингвокультурологические) способы выражения. Своеобразие концептов «зиа», «лето», «весна» и «осень» в художественной картине мира, по сравнению с общезыковой, заключается, с одной стороны, в общелитературных традициях, что позволяет говорить об общепозитической картине мира, а с другой - в разработанности ряда индивидуально-авторских словесных образов времен года, в расширении состава семантических компонентов концепта. В разнотипных русском и узбекском языках и культурах имеются как общие черты понимания каждого времени года, как природного явления, так и присутствуют и различия, обусловленные разницей культурных традиций. Результатом контаминации культур, отличных друг от друга, становятся произведения культуры и искусства, прозы и поэзии. Так, например, этнические русские жители Узбекистана, в отличие от русских – коренных жителей России, воспринимают узбекское лето также, как и узбеки – как засушливую жаркую пору, во время которой вызревает хлопок и различные фрукты, а например, весну – как пору цветения тюльпанов в горах или маков в степи. Поэтому можно смело предположить, что стихотворения Ильяса Муслима, переведенные на русский язык и посвященные временам года, в которых представлены параллели «время года» - «определенное растение, присущее этому времени года», а сравнение снега с хлопком или метафора о хлопке как о снеге будут восприняты и поняты школьниками-узбекистанцами без тех пояснений о природе и климате Узбекистана, которые необходимо было привести для школьников-россиян.

Например: И вот ночью темною в поле **Весна** зашумела дождями, А утром **степное раздолье** украсилось щедро цветами. И за ночь одну на дувале, На крыше, на старом бараче, **Встречая весну, запылали Веселые яркие маки.** (Ильяс Муслим «Маки») [9]

Или: Люди **август** уважают, **Август – месяц урожая:** И в саду не уставай, И на поле успевай! Выйди в поле! **Словно звезды, Там коробочки блестят.** Ароматом полон воздух – Мёдом пахнет виноград... (Ильяс Муслим «Август») [9]

Или: **Снежком** засыпана земля, Не видно даже тропок, И даль похожа на поля, Где белый-белый **хлопок.** (Куддус Мухаммади «Зимнее утро») [9]

Тогда как строки из стихотворения Н.А. Некрасова «Однажды, **в студеную зимнюю пору** // Я из лесу вышел; был сильный мороз», или строки из произведений А.С. Пушкина о *суровой зиме, трескучих морозах, пасмурном декабре, злой вьюге*, легче осознаваемы для детей, привычных к русской зиме, и могут потребовать дополнительных разъяснений учителем для школьников-узбекистанцев, привыкших к мягкой и малоснежной зимней погоде с кратковременным похолоданием.

Интересным примером, кроме поэзии и прозы, служат и средства массовой информации, как например, в интернет-блоге велозаповедника «Дети мира» - проекте, участники которого путешествуют на велосипедах по всей Земле и доставляют таким необычным способом «живые» письма российских школьников своим сверстникам за рубежом, прокладывая «маршруты дружбы» [8]: «Вчера услышал *совершенно новое для себя слово*, несмотря на то, что в Узбекистане был дважды. В процессе подготовки экспедиции общаюсь с разными людьми. Многие дают ценные советы. И вот мне сказали, что в Средней Азии я попаду в самую **чиллю.**

А что такое **чилля**?

Век живи — век учись!» [8]

Таким образом, с детства, накладываясь на национально-культурные особенности, мировоззрение и собственную языковую культуру, формируется структура фрейма «времена года», образные связи которой имеют ярко выраженную, в частности, национальную особенность. Понимание языковой картины мира как материализации национального видения мира практически не поддаётся логическому исчислению или кодификации, поскольку такие феномены как красота языка, эстетическое удовольствие от понимания скрытых значений, и тому подобное выходят за рамки логического описания, и относятся к сфере эмоциональной интерпретации языковых фактов. В этом смысле понятие языковой картины мира и шире, и менее определённо, чем понятие лексико-семантической системы языка, но, тем не менее, именно через лексику происходит воплощение, вербализация языковой картины мира, передача национального мироощущения, мироосмысления и мирооценки. Овладение необходимым объемом лингвокультурных и лингвострановедческих знаний, формирующих языковую картину мира человека, говорящего на неродном языке, дает ключ к пониманию национального характера, национальной ментальности. Для билингов и полилингов, которыми являются многие жители Узбекистана, языковая картина мира может быть представлена в виде фреймовой сети, состоящей из фреймов-образов на основе русского и узбекского языков, узбекского и русского языков, узбекского, русского и таджикского языков, и т.д. При репрезентации стереотипных ситуаций в процессе социализации такая фреймовая сеть служит мостом между культурами и способствует развитию способности к взаимопониманию между народами. В сознании носителей, как русского, так и узбекского языков, составляющие концептсферы времена года связываются с определенными погодными явлениями, праздниками, сельскохозяйственными работами. Однако, в Узбекистане, где бок о бок проживают представители различных национальностей, сложилась уникальная ситуация, когда у части населения через восприятие текстов на родном языке (русском, узбекском) и через восприятие окружающей действительности, языковая картина мира содержит знания двух культур, тем самым увеличивается количество смысловых и ассоциативных связей, расширяется когнитивная база в сознании говорящего. Ведь чем богаче культурный опыт человека, тем богаче его язык.

Таким образом, осознание ценности национальных языков, как производных национальных менталитетов, и как важных культурообразующих категорий неизбежно влечёт за собой стремление максимально полно и всесторонне интерпретировать язык.

References:

1. Вежбицкая 1999 – Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 776 с.
2. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – Тула, 2012 – С.396 – 405

3. Карло Гинзбург. Репрезентация: Слово, Идея, Вещь. // Журнал "НЛО" № 33, 1998
<http://philosophystorm.org/article/karlo-ginzburg-reprezentatsiya-slovo-ideya-veshch> Last visited: 21.09.2021
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Текст / Ю.Н. Караулова. Изд. 6-е – Москва, ЛКИ КОМКНИГА, 2007. – 264 с.
5. Касевич В.Б. О когнитивной лингвистике // Общее языкознание и теория грамматики. СПб, 1998.
6. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы. М.,1996. с.415 Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред Б.А.Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 8-69.
7. Узбекские пословицы и поговорки
<http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000065/st047.shtml> Last visited 21.09.2021
8. <https://childrenoftheworld.ru/o-proekte/> <https://childrenoftheworld.ru/chillja/> Last visited 21.10.2021
9. Носиров О. Т. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «ВЕСНА»,«ОСЕНЬ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА //МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ ИСКУССТВО СЛОВА. – 2021. – Т. 4. – №. 2.
10. Аvezов С., Юсупова А. ПРОЦЕСС ОБРАБОТКИ УЗБЕКСКОГО ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА В УСЛОВИЯХ НЕДОСТАТОЧНОСТИ ДАННЫХ //Евразийский журнал социальных наук, философии и культуры. – 2023. – Т. 3. – №. 3. – С. 49-58.
11. Аvezов С. С., Маринина Ю. А. Электронные Корпусы: Инновационный Подход К Обучению Переводу //Periodica Journal of Modern Philosophy, Social Sciences and Humanities. – 2023. – Т. 16. – С. 7-13.